

ЩЕДРЫЙ РЫЦАРЬ

Сначала были кинокадры: по мосту через Сороть, подернутую утренней дымкой, по влажному лугу меж дремлющих стогов шагает человек. Ходко идется ему знакомою дорогою... И, словно продолжая этот путь тропинками Пушкиногорья, выходит он на сцену Останкинской телестудии — Семен Степанович Гейченко.

У него нынче праздник — восемьдесят лет. Может ли такой очень серьезный возраст обернуться праздником? Конечно — если понимаешь, что потрачены годы на хорошее, доброе дело.

Дело жизни Гейченко видно и доступно всем: это Пушкинский заповедник. Трудно даже представить, каких усилий стоило возродить его из тех руин, что оставили после се-

бя гитлеровцы. Как Феникс из пепла — точнее не скажешь. И приходят теперь в Михайловское тысячи.

Гейченко знает, какого труда стоило и стоит возрождение Пушкиногорья. Но сегодня со сцены телестудии (и соответственно с телеэкрана) он говорит обо всех этих трудностях без надрыва и излишнего самоуважения — он говорит весело и просто. По-пушкински.

Гейченко — хранитель заповедника. Казалось бы, хранитель — это скопидом с большою связкой ключей наподобие пушкинского Скупого рыцаря. Но Гейченко — это щедрый рыцарь. Он хранит во имя того, чтобы одарить.

Выступая перед зрителями в Останкине, вспомнил Семен Степанович такой эпизод детства: когда он мальчиком при-

ходил послушать под окна и живущим по соседству музыкантам, а те его гнали: «Мальчик, уйди, ты нам мешаешь». «Подойди, мальчик», — сказал бы Гейченко, окажись он на их месте. Собственно, он так и говорит всем: подойдите.

Не знал Пушкин, что подарит ему в будущем судьба и Россия такого щедрого хранителя!

А впрочем, знал. И даже завещание оставил:

*Поместья мирного
незримый покровитель;
Тебя молю,
мой добрый домовой,
Храня селенье, лес
и дикий садик мой
И скромную семью моей
обитель!*

Эта щедрая бережливость у Гейченко, видимо, в крови — еще до войны, будучи петергофским хранителем, спас он, к примеру, ботик Петра Первого. Духовная рачительность Семена Степановича роднит его и с Павлом Михайловичем Третьяковым, и с Иваном Владимировичем Цветаевым.

Гейченко горд — нет такого колоссального музея ни у Данте, ни у Шекспира, ни у Гёте. Но и гордится Семен Степанович тоже весело: не за себя гордится — за Пушкина, за Россию.

Ему восемьдесят сегодня — а он не важничает, не приосанивается значительно, самим собой остается. Вот на днях одна из газет, публикуя указ о присвоении Семену Степановичу высокого звания Героя Социалистического Труда, поместила фотографию Гейченко. Взгляните на нее: в простой рубашке да безрукавочке — улыбается...

И в этот вечер с экрана телевизора он заражал своею улыбкою и нас. Улыбкой заражал и доброхотством. Первая же записка, пришедшая ему

из зала: «Можно ли поработать в заповеднике во время отпуска?». Добро заразительно.

Пришедшие в Концертную студию Останкино дарили в этот вечер Гейченко цветы и — Пушкина. Читали Семену Степановичу Пушкина Д. Журавлев, И. Смоктуновский, Б. Ахмадулина, А. Консовский, пели пушкинские романсы Е. Нестеренко, А. Ведерников, А. Стрельченко. И музыка Чайковского, которую исполнял М. Плетнев, звучала тоже по-пушкински. И Юрий Нагбин, наверное, с трудом удерживался от того, чтобы не отвлечься от роли ведущего и не вручить Гейченко и от себя несколько свежих бутонов пушкинских строк.

По ходу телетрансляции мы видели хроникальные кадры традиционных Пушкинских праздников, проходивших в Михайловском... А ведь то, что состоялось в этот вечер на сцене Останкинской студии, — тоже подлинный Пушкинский праздник. С посвящением — Семену Степановичу Гейченко.

Ал. ЕРОХИН